

УДК 101.1:316:111.6

Системно-структурный анализ феномена социального взаимодействия

А. А. Минеева, аспирантка*

В статье анализируются основные подходы к анализу структуры социального взаимодействия – социологический, информационный, социально-психологический и философский. Философско-методологический анализ феномена социального взаимодействия представлен в виде схем субъект-объектного, субъект-субъектного и интерсубъективного взаимодействий.

Systematic-structural Analysis of the Phenomenon of Social Interaction

A. Mineeva, Postgraduate Student

Main approaches to the analysis of the structure of social interaction, including sociological, informative, social-psychological and philosophical approach, are examined in the article. Philosophical-methodological analysis of the phenomenon of social interaction is presented in the form of the schemes of subject-objective, subject-subjective and inter-subjective interaction.

Категория социального взаимодействия приобрела сегодня междисциплинарный статус в социально-гуманитарном и философском знании. Ее референтность определяется ведущими исследовательскими целями: эксплицировать факторы и инвариантные характеристики социодинамики, механизмы трансформации общественных систем, тенденций их развития и др. Все это вместе взятое обуславливает необходимость детального препарирования названной категории, как в социологическом, так и в философском аспектах.

В концептуальном пространстве социологического знания данная категория коррелирует с не менее значимыми понятиями – «социальная структура» и «социальная организация», позволяющими конкретизировать и легитимировать тот или иной тип социального взаимодействия. Анализ социологических подходов показывает, что социальное взаимодействие может быть исследовано в различных содержательных ракурсах: через дихотомию «деятельность-структура», «индивид-социальная структура»; на микро- и макроуровнях, когда на первом основном фокусе внимания выступает межличностная интеракция, а на втором – основные институты общества. И если «на макроуровне мы обнаруживаем крупные общественные структуры», то «на микроуровне – изучаем взаимодействие людей друг с другом, иногда в группах, иногда в парах» [1, с. 131–132]. Понимание сущности и структуры социального взаимодействия зависит от методологической позиции исследователя: методологического инди-

видуализма, методологического универсализма или некоего компромиссного варианта.

Так, в различных версиях «интерпретирующей социологии» (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер) в структуре социального взаимодействия доминирует субъектная составляющая и преобладает феноменологический анализ повседневной жизни, или, скорее, даже ее субъективного восприятия [2, с. 39]. В противоположность этому в функционализме и структурализме (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс) превалирует объективная сторона социального взаимодействия, которое напрямую связано с понятиями социальной структуры, социальной системы, системы действий, элементов социального взаимодействия и выявлением их роли и функций в обществе. Подходы, сочетающие принципы интерпретативной социологии, структурализма и функционализма с целью выявить новый ракурс исследования социального взаимодействия (Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Штомпка), пытаются скоррелировать микро- и макроуровень его осмысления и в результате онтологическим основанием оказывается «ни опыт индивида, ни какая-либо форма социального целого, но социальная практика в пространстве и времени» (Гидденс).

Помимо социологической матрицы исследования социального взаимодействия правомерными можно считать информационный и социально-психологический подходы, акцентирующие внимание на таких факторах, как передача информации от источника к реципиенту и роль личности в качестве конструктора социальной реальности. Еще в 30–40-е гг. XX века возникли информационные подходы к анализу коммуникационных процессов (К. Шеннон,

* Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент А. В. Барковская

Н. Винер), сфокусированные на исследовании передачи сообщений между сообществами, организациями, индивидами, животными, техническими устройствами, которые способны посылать и принимать информацию при помощи определенной системы сигналов и символов. Так сформировалась первоначальная субъект-объектная модель, состоявшая из пяти элементов, организованных в линейном порядке, – источник информации, передатчик информации (шифратор), приемник информации (дешифратор), получатель информации. Далее эта модель была дополнена путем введения новых значимых понятий: «обратная связь» (отклик получателя информации, дающий возможность источнику корректировать последующую передачу информации), «шум» (искажения и помехи в сообщении при его прохождении по каналу); «избыточность» или «дублирование» (излишние повторения в кодировании информации для того, чтобы сообщение могло быть корректно декодировано); «фильтры» (преобразователи сообщения, когда оно достигает шифратора или покидает дешифратор). Информационный подход актуален и по сей день – он сохраняется при определении коммуникации как «передачи некоторого сообщения от источника к получателю». Здесь выделяются основные элементы коммуникативного процесса – источник, кодирование, сообщение, каналы, процесс дешифровки, получатель, обратная связь, но коммуникация предстает преимущественно как субъект-объектный процесс, ведь «получатель является мишенью сообщения, его конечной целью» [3, с. 6–11]. С одной стороны, информационный подход имеет положительные стороны – его характеризует простота, наглядность, универсальность и др. Однако с другой стороны, социальное взаимодействие предстает здесь преимущественно как субъект-объектный процесс, и такая односторонняя его интерпретация нивелирует достоинства информационного подхода, не способного проникнуть в глубинные пласты человеческого общения.

С позиции социальной психологии, изучающей психологические явления и процессы, состояния и свойства, характеризующие индивида и группу как субъектов социального взаимодействия, его структура раскрывается и конкретизируется с помощью структуры общения как «процесса взаимодействия, по крайней мере, двух лиц, направленного на взаимное познание, на установление и развитие взаимоотношений, оказание взаимовлияния на их состояния, взгляды и поведение, а также на регуляцию их совместной деятельности», процесса качественно отличного от простой смены перемежающихся поведенческих

актов, действий участников [4, с. 123]. В результате конкретизируются уровни анализа социального взаимодействия – *макроуровень* (общение предстает как сложная развивающаяся сеть взаимосвязей индивида с другими людьми и социальными группами), *мезоуровень* (общение как совокупность ситуаций взаимодействия, в которых оказываются люди в процессе текущей жизнедеятельности) и *микроуровень*, анализирующий элементарные единицы общения – взаимодействие участников общения. Однако социальное взаимодействие предстает здесь преимущественно как субъект-объектный процесс, поскольку осуществляется влияние субъекта на убеждения, мотивы, ценностные ориентации объекта, а в группе людей – на их психологический климат, межгрупповую напряженность и др. Подобный процесс психологического воздействия (влияния) является многомерной системой и включает стратегию, тактику, динамику, средства, методы, формы, аргументацию и критерии эффективности воздействия. Конечно, важно, что объект, будучи активным элементом системы воздействия, может не соглашаться с субъектом, а в отдельных случаях осуществлять контрвоздействие на коммуникатора, т. е. сам выступать в роли субъекта (ср. понятие обратной связи в теории информации и коммуникации). Конечно, социальная психология учитывает потребность субъекта в эмоциональном контакте и способность индивидов приобщаться к эмоциональной жизни другой личности, что находит отражение в понятиях эмпатии и синтонности, которые более точно фиксируют субъект-субъектный аспект социального взаимодействия. Следует отметить, что субъект-субъектное взаимодействие в психологии ассоциируется скорее с его экзистенциально-гуманистической проекцией и реализуется, прежде всего, в терапевтической практике.

Все вышеобозначенные контексты свидетельствуют о том, что каждый из названных подходов обладает эвристическим потенциалом исследования содержательных и функциональных характеристик социального взаимодействия, но в то же время их дисциплинарная ограниченность не позволяет зафиксировать всю многогранность условий, факторов и механизмов взаимодействия в социуме и представить всю палитру его видоизменений. Все это инициирует подключение новых методологических ресурсов для анализа социального взаимодействия и требует обращения к исследовательской практике социально-философского знания, зарекомендовавшего себя не только в качестве продуктивной методологии для социальных наук, но и как онтологическое основание динамики социального взаимодействия.

В постклассической философии проведена огромная работа в рамках экзистенциально-феноменологической, аналитической, социально-критической стратегий: рефлексия мыслителей (Ф. Эбнера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, Г.-Г. Гадамера, Э. Левинаса, К.-О. Апеля, М. Тейннисена, Б. Вальденфельса, К. Хюбнера и др.) была направлена на осмысление сущности диалога, коммуникативных процессов, языка, смыслообразований, интерсубъективности и др. Это как раз те проблемные поля, в пространстве которых актуализировались темы социальных отношений и социальных взаимодействий. Поэтому вполне правомерно использовать философско-методологическую матрицу анализа данного феномена, которую можно представить в виде схем *субъект-объектного*, *субъект-субъектного* и *интерсубъективного* взаимодействий.

Так, М. Бубер в контексте диалогической парадигмы считает, что субъект-объектное взаимодействие возникает на основе неподлинного отношения «Я–Оно», которое предполагает дистанцию между ними. «Оно» – это внешние по отношению к человеку социальные институты, в некоторой степени упорядоченная и согласованная структура, благодаря которой человек опредмечивает всевозможные цели, работает, оказывает влияние, конкурирует с другими и т. д. В то время как сфера «Я» – это чувства, т. е. то, что внутри человека и позволяет ему отдыхать от своей деятельности в институтах. Подлинные отношения разворачиваются по схеме «Я–Ты»: «становясь Ты, человек становится Я» [5, с. 32]. И, согласно Г. Марселью, субъект-объектный характер отношений («Я–Он») возникает в том случае, если «другие действительно находятся вне определенного круга, который образует мое “Я”» и «с этой точки зрения для меня невозможно связаться с ними; сама идея общения невозможна». Таким образом, и в экзистенциальном проекте неподлинному субъект-объектному отношению противопоставляется подлинное субъект-субъектное взаимодействие. Г. Марсель, размышляя над «проблемой реальности других “я”», приходит к выводу, что «мы не только имеем право утверждать, что другие «я» существуют, но я должен был бы согласиться с тем, что существование может быть приписано только другим, поскольку они таковыми являются и поскольку я могу мыслить себя как существующее, лишь постигая себя как другого по отношению к ним». Используя экзистенциальную схему анализа соотношения сущности и существования, он приходит к выводу, что «сущность другого составляет существование; я могу мыслить другого не иначе как существующим; сомнение здесь

не возникает, поскольку это иное проявляется в моем сознании». Здесь, несомненно, проявляется трансцендентально-феноменологический аспект модели Я–Другой, но Г. Марсель не соглашается с тем, что «другие являются только моей мыслью о других, моим понятием других», ведь тогда с неизбежностью возникает субъект-объектная дихотомия, а «если установить примат субъект-объекта, категории субъект-объект, или действия, посредством которого субъект полагает объекты существующими в себе самом, существование других становится невысказанным, и, без всякого сомнения, это относится к любому существованию, каким бы оно ни было» [6, с. 91]. То есть Г. Марсель выступает против «объективирования» Другого, аргументируя это тем, что, если Другой понимается как «Он», то происходит его редукция всего лишь к объекту живой природы. Но когда Другой воспринимается как «Ты», то его сущность видится уже не в природном начале («Он»), а в свободе: «я сознаю его как свободу, поскольку он и есть свобода, а не только природа» и «более того, я помогаю ему некоторым образом быть свободным, я сотрудничаю с его свободой». В этом контексте исследуются условия возможности экзистенциального сообщения, что предполагает невозможность ограничиваться только лишь субъективностью и внутренним, а обладать способностью выходить в сферу всеобщего, интерсубъективного, когда «главное же – это как раз стать понятным...» (Кьегкегор) и реальность приобретает характер «пневматического» Я, которое «ищет и находит свою экзистенциальную действительность и определенность в отношении к “Ты”» [7, с. 36].

Субъект-субъектному взаимодействию особое внимание уделяется и в структуре герменевтического опыта, как опыта «Ты», которое «не есть предмет, оно само вступает с нами в отношения» и «предмет опыта носит здесь личностный характер, постольку подобный опыт суть моральный феномен, точно так же как и получаемое благодаря этому опыту знание, то есть понимание другого». Опыт «Ты» предстает как ряд моментов последовательного восхождения к открытости общения от простого «знания людей», не носящего оттенка подлинности, до признания в Другом равноправного участника диалога, когда речь «идет о том, чтобы действительно узнать другое «Ты» как именно «Ты», то есть позволить ему сказать нам что-либо и суметь услышать то, что оно говорит», что и находит свою реализацию в высшем типе герменевтического опыта – действенно-историческом сознании [8, с. 421–425]. В герменевтической проекции намечается двухуровневое исследование социального взаимодействия: в контексте *межличностного взаимодействия* и

межкультурной коммуникации (экспликация «творческого ядра» цивилизации, условий возможности творчества, порождение нового пространства смыслов и др.) [9, с. 330].

Следует отметить, что интерпретация социального взаимодействия как определенного типа бытия носит преимущественно экзистенциально-феноменологический оттенок, что мы видим, например, в феноменологической социологии А. Шюца, в которой осуществляется определенный синтез «понимающей» социологии с ее постулатом о наличии субъективного смысла социального действия (Вебер) и поздних феноменологических идей Гуссерля о сознании как смыслообразовании и специфике жизненного мира. Соответственно социальный мир предстает как мир человеческих взаимодействий, мир, светящийся смыслом. Тема социального взаимодействия оказывается здесь тесно переплетенной с проблемами рациональных действий социального субъекта, смысловым строением рационализованного мира, с intersубъективным характером повседневного бытия и с типизацией социальной структуры в конструктах здравого смысла. Структура социального мира оказывается всего лишь intersубъективной типизированной конструкцией, которая в соответствии с постулатом адекватности «совместима со всей тотальностью как нашего повседневного, так и нашего научного опыта» [10, с. 95]. Онтологическое основание социальной структуры образует реальность мира повседневной жизни, который предстает как «не мой частный мир, а мир, общий для всех нас», «в этом мире существуют другие люди, с которыми я связан многочисленными социальными отношениями» [11, с. 412]. Естественно, это мир культуры, поскольку «с самого начала повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним» [12, с. 130]. Анализируя intersубъективный характер повседневного знания, Шюц концентрирует внимание на таких основных конструкциях, как взаимность перспектив или структурная социализация знания, социальное происхождение знания или его генетическая социализация, социальное распределение знаний, являющихся основой любого действия и взаимодействия. Ведь основание социального взаимодействия составляет идеализация взаимности мотивов, обусловленная тезисом взаимности перспектив: «даже простейшее взаимодействие в обыденной жизни (в данном случае, конструктов ожидаемого поведения «другого»), основывающихся на идеализации, согласно которой мотив «для-того-чтобы» одного деятеля

становится мотивом «потому-что» его партнера, и наоборот» [13, с. 136].

Необходимо отметить, что сама intersубъективность может приобрести различные смысловые акценты: не только собственно экзистенциально-феноменологический, но также социально-критический, герменевтический и аналитический. Проиллюстрировать эту посылку можно путем сравнения интерпретаций intersубъективности в универсальной прагматике Ю. Хабермаса и трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля. Обе концепции связаны с анализом исконно герменевтической проблемы – проблемы понимания, которая артикулируется в них прежде всего как проблема языкового взаимопонимания, цель которого – достижение согласия, определяемого intersубъективной общностью взаимного понимания. Концепции Хабермаса и Апеля объединяет также представление о дискурсе как «идеальной речевой ситуации» (Хабермас), идеальном коммуникативном сообществе, в котором мог бы быть адекватно понят смысл любого аргумента (Апель). Так, обосновывая моральные ступени интеракции, Ю. Хабермас говорит о необходимости введения ступени дискурса, которая генетически связана с предшествующими ей преконвенциональной (рассматривается через взаимонаправленность деятельностных перспектив) и конвенциональной (связана с координацией перспективы наблюдателя с перспективами участников действий) ступенями интеракции. Интегрируя прежде разрозненные типы интеракции, дискурс предстает как диалектический синтез действия, регулируемого нормами, и стратегического действия, когда «в процессе аргументации ориентированная на достижение успеха установка соревнующихся сторон, во всяком случае, принимает коммуникативную форму, в которой иными средствами продолжается действие, ориентированное на достижение взаимопонимания» и «в ходе аргументированной дискуссии оппоненты и проponentы разрешают свое соперничество с помощью аргументов, стремясь убедить друг друга и таким образом прийти к консенсусу». В рамках подобной диалектической структуры возникают «эвристические формы для совместных поисков истины», «идеализированная форма взаимонаправленности начинает определять совместные поиски истины, ведущиеся неким коммуникативным сообществом, которое в принципе не имеет границ» [14, с. 241–246].

Разная интерпретация intersубъективности в этих проектах обусловлена тем, что истоком построений Ю. Хабермаса является социально-критическая версия философствования с ее деятельностным пафосом. Это и определяет то,

что представление об идеальном типе коммуникативного взаимодействия в универсальной прагматике разворачивается с помощью четкой фиксации структуры действия, ориентированного на достижение взаимопонимания и поэтому «идеальная речевая коммуникация» характеризуется Хабермасом не через персональные качества идеальных речевых субъектов, а через структурные характеристики коммуникативных практик. То есть дискурс предстает в качестве некоей безличной универсальной структуры, он «не является лишь регулятивным принципом в кантовском смысле, но представляет собой ту предпосылку, которая с необходимостью делается участниками фактических коммуникативных практик, коль скоро они серьезно относятся к перспективе intersubjectивного признания своих притязаний» [15, с. 67]. В отличие от этой позиции, трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля отталкивается от философии языка и поэтому связана с трансформацией трансцендентальной философии субъекта (Кант) в трансцендентальную философию intersubjectивности.

Философская интерпретация социального взаимодействия позволяет раскрыть его структуру при помощи коммуникативной модели Я–Другой, когда Другой может предстать одновременно и как объект воздействия, так и субъект взаимодействия, причем в последнем случае появляется возможность зафиксировать еще один элемент – intersubjectивную общность, предполагающую наличие наиндивидуального пространства общих смыслов. Такая проблематизация структуры социального взаимодействия связана именно с постклассической онтологией, переосмысливающей классическую

онтологию и значительно расширяющей ее границы за счет включения сферы человеческого бытия, проблем со-существования человеческого Я с Другим.

Список цитированных источников

1. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1998.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
3. Фурс, В. В. История наук об информации и коммуникации / В. В. Фурс. – Мн., 2001.
4. Социальная психология / А. Л. Журавлев [и др.]; под ред. А. Л. Журавлева. – М., 2002.
5. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры. – М., 1995.
6. Марсель, Г. Метафизический дневник / Г. Марсель // Быть и иметь. – Новочеркасск, 1994.
7. Эбнер, Ф. Слово и духовные реальности / Ф. Эбнер // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам intersubjectивности, коммуникации, диалога. – Мн., 1997.
8. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.
9. Рикер, П. История и истина / П. Рикер. – СПб., 2002.
10. Шюц, А. Проблема рациональности в социальном мире / А. Шюц // Избранное: мир, светящийся смыслом. – М., 2004.
11. Шюц, А. О множественных реальностях / А. Шюц // Избранное: мир, светящийся смыслом. – М., 2004.
12. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2.
13. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2.
14. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – М: Наука, 2000.
15. Фурс, В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В. Н. Фурс. – Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000.

Дата поступления статьи в редакцию: 01.11.2007 г.